

"АРТИСТОМ ХОЧУ БЫТЬ, МЕЧТАЮ.

Так признавался педагогам спецшколы в своей наивно-искренней страсти к искусству мальчишка-беспризорник из «Республики ШКИД» — фильма нашего детства. Нашего, то есть тех, кому сегодня уже за тридцать. Этот юный герой, пожалуй, запомнился больше других персонажей замечательной ленты. Может быть, еще и потому, что в его исполнении пронзительно чисто прозвучали две незабываемые песни «У кошки четыре ноги» и «По приютам я с детства скитался»...

Да, то был звездный час Саши Кавалерова. Для многих зрителей он так и остался Костей Федотовым по прозвищу Мамочка. Удивительно, но его слова о жгучем желании, как в сказке, были пророческими: сам исполнитель стал-таки артистом.

И вот я с операторской группой ребят из Алма-Аты в гостях у Александра Кавалерова в Санкт-Петербурге, в уютной квартире на Фонтанке, где всегда (я это точно знаю) с радушием и теплом встречают пришедших сам хозяин, его жена и шестилетняя дочурка Даша.

— Давай вернемся на 25 лет назад, когда ты снялся в «Республике ШКИД».

— Знаешь, а ведь в 1988 г. в театрально-концертном зале «Время» у нас в Питере праздновался мой юбилей — 30-летие со дня

прихода в кино.

— Так значит, на экране ты появился гораздо раньше?

— Свою первую, правда, эпизодическую роль я сыграл в фильме В.Венгера «Балтийское небо». Тогда мне исполнилось 7 лет.

— А как ты оказался в кино? Мальчишеский порыв?

— Нет. Подруга моей мамы посоветовала показать меня на «Ленфильме», где нужны были дети блокадного Ленинграда. Вот так, благодаря своим удивительным физическим данным, я и попал на экран.

— Потом, наверное, заприметили?

— Не сразу, но поставили на учет... актерский.

— До сих пор состоишь?

— Да, под номером 17222, а тогда числился 396-м. Снимался в основном в эпизодах. Даже у И.Хейфица довелось — в картине «В городе С». А уже потом была «Республика ШКИД».

— Тебя нашел сам режиссер Геннадий Полока?

— Нет, получил открытку с просьбой прийти на студию, как и другие: никаких блатов. Мы тогда все были равны.

— А сейчас?

— Сейчас мы все без равенства. Самое жуткое — без братства. Но свободны.

— Что дает тебе эта свобода?

— Ничего.

— Атмосфера 60-х — особенная. Ты, наверное, с любовью и нежностью вспоминаешь то время?

— Мне вообще ужасно повезло. Я застал кинематограф 60-х, работал с самими Геннадием Полокой, Павлом Луспекаевым, Михаилом Васильевым... Я не могу всех перечислять, это большой список звезд. В 1967 году после «Республики ШКИД» приехал в Одессу на съемки фильма «У моря, где мы играли». Жили мы тогда в старой студийной гостинице, известной под названием «Куряж». Там познакомился со многими выдающимися актерами — Владимиром Высоцким, Роланом Быковым, Нонной Мордюковой, Галиной Польских. Курс лекций по суровой правде жизни читал мне и моим сверстникам режиссер Валентин Козачков.

— Думаю, что памятен тебе и фильм «Мужской разговор», где вашим с Колей Яхонтовым партнером был Василий Макарович Шукшин?

— Я ощущаю себя абсолютно счастливым человеком. Такие личности меня окружали! Шукшина-то я звал дядей Васей. Он очень любил народные песни, а я лихо их пел. Сегодня часто просят рассказать о нем, о Высоцком. Ждут каких-то открытий. Для меня, пацана, тогда это были просто веселые, добрые, бесшабашные люди.

— Тут, пока вы уезжали на видеосъемку, я посмотрела две кассеты твоих концертных программ, которые меня просто потрясли! Откуда у тебя любовь к народной песне?

— Моя матушка 40 лет отдавала хору и русской народной песне, а я дебютировал на сцене в трехлетнем возрасте, исполнив песню «Называют меня некрасивою».

— Твоя очаровательная дочка тоже прек-

ЕЙ БОГУ, НЕ УДЕРУ!"

расно поет и танцует, без комплексов показывала в твое отсутствие великолепные сольные номера. Наверное, гены дают о себе знать. Как ты к этому относишься?

— Даша еще и английский во всю изучает... Очень хочу, чтобы она стала актрисой, может быть, звездой Голливуда. Знаешь, когда я был в ее возрасте, мы с мамой жили в большом общежитии. Никакого музыкального инструмента у нас не было, и я «играл» на чемодане вместо гармошки. Не хочу такой судьбы моей девочке.

— Сегодня ситуация изменилась: в твоей гостинице стоит пианино, на стенах висят 4 гитары, 8 балалаек, домра и даже банджо. Это что — своеобразное хобби?

— И то и другое. К примеру, банджо я привез из Сизла, где побывал от театра «Бенефис», руководимого Михаилом Боярским. Там, в США, на Играх доброй воли я как мог своими музыкальными выступлениями подбадривал наших спортсменов.

— Ты часто выступаешь перед зрителями с концертами?

— Да, когда я все реже и реже стал появляться на экране, то начал петь на эстраде, ездить по областным филармониям. У меня нет никакого специального образования — ни театрального, ни музыкального. По натуре я вол-одиночка: не люблю работать в коллективах, не выношу сборные «солянки» концертов. Приходится это учитывать.

— Потому и ушел из «Бенефиса»?

— Наверное. Только еще раньше пытался выразить себя и на театральном поприще. Как актер выступал на

сценах театра юного зрителя в Минске, Советской Армии во Львове. Потом был театр эстрады в Киеве. А специально для «Бенефиса» я подготовил программу «Мое поколение», куда вошли только авторские песни, в том числе Михаила Шелера.

— Почему ты не включаешь кинопесни, принесшие тебе известность?

— Не люблю петь песни из своих фильмов. Как не пою песни Окуджавы и Высоцкого. Их нельзя другим петь.

— Но ведь в картине «Женя, Женечка и «Катюша» ты первым исполнил песню Булата Шалвовича «Капли датского короля». Как это случилось?

— Однажды Окуджава проходил по «Ленфильму» мимо цеха, где шло озвучивание «Республики ШКИД», услышал, как я пою, и попросил записать его песню в новой картине. Так, в начале фильма я спел под оркестр хорошо известную сегодня песню, а сам автор поет ее в конце ленты.

— Я помню еще несколько шлягеров той поры из твоих фильмов. В «Мужском разговоре» звучит «Нейлоновое сердце», а в «Минуте молчания» — «За того парня». Уже позже Лев Лещенко с этой песней стал лауреатом Сопотского фестиваля, но впервые-то спел ее твой герой.

— Еще ты забыла о третьей картине режиссера Игоря Шatroва — телефильме «И это все о нем», где я тоже снимался и пел сразу несколько песен: «Серейка ольховая», «Не надо бояться», «Там, вдали за рекой...» Кстати, игре на инструменте и пению меня учил сам Ян

Френкель во время съемок «Мужского разговора». Этот фильм занимает особое место в моей киобиографии: в 1969 году на XXI международном кинофестивале в Венеции мне был присужден приз за лучшее исполнение мужской роли. В семнадцать лет это трудно пережить: началась «звездная болезнь», симптомы которой проявились чуть раньше. Мне просто приходило не давали. Так продолжалось несколько лет, а потом... Потом меня перестали снимать.

— Как ты сам это можешь объяснить?

— Из детского возраста вышел. Да из-за своего очень выразительного лица и роста на роли героев-любовников как-то не вышел. Мог претендовать только на роли хулиганов, воров, шаполаев. Но подобного материала не было. Лет шесть я вообще не снимался. А чувствовал-то себя «звездой». В 1972 г. я сыграл Сергуненкова в картине о войне «Горячий снег», и эта роль мне очень дорога. После службы в армии я участвовал в фильмах «Буденовка», «Мраморный дом», исполнив соответственно роли красноармейца и бандита. В приключенческой ленте «Злой дух Ямбуя» я был Степаном-геодезистом, которому медведь ногу отгрызает. Снимался в сказке «Пока бьют часы». В эти годы началась моя эстрадная деятельность. Но одну из любимых «взрослых» ролей — Семена Алышшера в семисерийной картине «Мужество» я сыграл уже в начале 80-х. Там моей партнершей была потрясающая актриса Наталья Андрейченко. А потом, вплоть до 1986 г., наступил «запойный» период, когда я вообще нигде не работал.

— Но ведь сейчас ты в «завязке», с рождением дочери начался новый период твоей жизни. И (тыфу-тыфу) сегодня у тебя все как будто складывается удачно: снова много снимаешься. Расскажи, пожалуйста, о последних работах.

— Не так давно по ЦТ демонстрировался фильм о бывшем боксере «Свалка», где я сыграл друга главного героя. После этой ленты у меня вдруг опять стали фотографировать. Закончил съемки в 13-серийной совместной с американцами картине «История Аляс-

ки». Вся Аляска снималась под Выборгом. Здесь я — алкоголик начала века. На киностудии им.Довженко сыграл роль в фильме «Ночь самоубийцы». Это тяжелая и страшная лента о судьбах бывших репрессированных. На «Ленфильме» в музыкальной картине Сергея Овчарова «Барабанида» мне досталась роль лабуха в оркестре на кладбище. По-моему, это будет интересная работа с музыкой композитора Сергея Курехина, известного специалиста по грибам и ленинскому наследию. В Одессе предстоят съемки фильма «Осветитель». На подходе еще три картины с моим участием: «Генч» Романа Хочатряна, «Игра» Бориса Галкина и «Пустельга» Сергея Русакова, твоего земляка.

— Чем же тебя так привлекло предложение Сергея?

— Не предложение, а обаяние Русакова, просто поехал и сыграл, не зная что. Но знал, что спою. Когда ко мне обращаются с подобной просьбой, я практически не отказываю. А тут еще ностальгическая тема — 70-е годы! Произошло как бы слияние двух сердец: режиссера и актера, что, поверь, случается очень редко. К тому же Русакову удалось собрать весьма симпатичную компанию исполнителей вплоть до «звезд» народной артистки Нины Руслановой, Сергея Гормаша из московского театра «Современник» и Гарика Сукачев из «Бригады С».

— Хочу еще спросить — сбылись ли какие-то твои мечты, связанные с кино?

— Никогда ни о чем не мечтал. Как актер состоялся в детско-юношеские годы. Не успел, к сожалению, сняться в мюзикле.

— С каким чувством, Саша, ты, актер начала 90-х, смотришь на актера Кавалерова 60-х годов: умиления, грусти, иронии, может быть, зависти?

— Никаким, привык. Пенсионный возраст еще не наступил, пока мне только сорок. Все нормально.

Вела интервью
Галина ЛЕОНОВА, киновед.

